

15 АВГ 1956

ПРАВДА
г. МОСКВА

Здравствуйте, дорогой друг!

К приезду Поля Робсона в Москву

Недавно в Стокгольме, на Всемирном конгрессе, посвященном разоружению и международному сотрудничеству, мы были свидетелями такого многозначительного эпизода. Шло к концу одно из вечерних заседаний, затянувшееся за полночь. Ораторы продолжали сменять на трибуне друг друга. Но зал уже был утомлен. Слышался шумок разговоров. Над головами людей белели паруса развернутых газет. Но вот голос председателя произнес: Поль Робсон. Будто сильный электрический разряд сразу ветрахнул множество усталых людей. Загорелись глаза. На мгновение наступила мертвая тишина, которая тут же взорвалась залпом таких дружных аплодисментов, что от них, как показалось, задрожало само деревянное здание Дома спорта.

Нет, Робсона на трибуне не было. Читалось его письмо, адресованное делегатам конгресса. Но слушали его так, будто он, Поль Робсон, был тут, перед нами. А последние слова письма «...Всем вам, дорогие друзья и соратники по борьбе за мир, мой сердечный привет» подняли на ноги делегатов всех семидесяти восьми представленных на конгрессе стран. Таков авторитет Поля Робсона среди труженников, среди людей доброй воли всех пяти континентов нашей планеты.

Робсон — певец всемирной славы. И, несмотря на эту огромную артистическую славу, певец значительную часть своего времени уделяет общественной деятельности. Он там, где народы борются за свою свободу, он там, где люди доброй воли поднимают свой голос против войны. Когда десять лет назад еще только начинало строиться движение сторонников мира, охватившее сейчас все страны, Робсон был одним из тех, кто положил в его основу один из первых камней.

За свою многостороннюю и благородную общественную деятельность Поль Робсон стал у себя на родине жертвой того самого отвратительного расизма и политической нетерпимости, против которых он боролся всю жизнь. Перед ним, артистом мирового значения, были закрыты границы страны. У него были отняты все театральные подмостки, все эстрады. Он был лишен всех средств к существованию.

Я был у Робсона в ноябре 1956 года, в самый тяжелый период жизни певца, когда его пытались лишить возможности выступать даже в маленьких негритянских церквях Гарлема, где он пел по воскресеньям. Робсоны продали домик, расстались с машиной, из их квартиры ушли все ценные вещи. Сам певец в тот день только что вернулся из госпиталя после тяжелой операции. Огромный, могучий, он встретил нас в полупустой комнате. Он снял очки, отложил раскрытую книгу, которую держал в руках, и неожиданно вместо приветствия медленно прокотил своим басом:

— Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог... — И вдруг улыбнулся весело, сердечно, задорно, так, что от сверкания его крупных белых ровных зубов стало даже как бы светлее

в комнате. Оказывается, он, практикуясь в русском языке, в эту минуту переводил на английский «Евгения Онегина».

— Да, я не хочу забывать ваш язык. Когда я снова приеду к вам в гости, я хочу разговаривать по-русски, — говорил он, нетерпеливо шагая по комнате. Этот большой черный человек напоминал Прометея, прикованного к скале. Злые коршуны терзали его грудь, но он не сдавался, был тверд. Он верил в победу человеческого разума над безумием, он верил, что законы Томаса Джефферсона восторжествуют над сенаторскими поправками Джозефа Маккарти и других мракобесов. Он продолжал: — Друзья, вы увидите, я заставлю их открыть для меня сцену. С помощью общественности мира я добуду иностранный паспорт.

Этой весной с делегацией советских ветеранов второй мировой войны мне снова привелось побывать у нашего большого американского друга. Он был прав. Требования передовых людей Соединенных Штатов, возмущение общественности всего мира, и прежде всего мужественная стойкость самого певца, уже побеждали. Концертные залы страны снова открылись для него, и в те дни певец совершал триумфальную поездку по крупнейшим американским городам. Чтобы повидаться с советскими ветеранами, он прервал эту поездку, вылетел вечером из Чикаго в Вашингтон, но, не застав нас там, продолжил свой путь до Нью-Йорка. Прилетел он поздно. Что-то близко к полуночи наши машины остановились у крыльца его дома. Он сам открыл дверь. Знакомый рокошущий бас произнес в полутьме весенней прохладной ночи, по-горьковски упирая на «о»: «Добро пожаловать». — и певец по-братски обнял каждого из нас.

Мы просидели у него до трех ночи. Просидели бы, пожалуй, и дольше, ибо любопытство этого человека до всего, что касалось нашей жизни, нашей культуры, нашего искусства, нашей науки, было неутолимо. Но с рассветом самолет должен был унести его обратно в Чикаго, где на следующий день был у него большой концерт. Робсон шутил, пел старые, уже знакомые нам, и новые, только что разученные им песни, шутил называя себя Павлом Васильевичем, что было русским переводом его имени и отчества. Прощаясь, он осторожно пожимал наши руки своей огромной ручищей.

— Передайте всем двумстам миллионам моих друзей в Советском Союзе привет от Павла Васильевича Робсона. Передайте им, что я, наверное, скоро приеду к вам в гости и что я не забыл еще русских песен.

И тут же на пороге дома он вполголоса грянул по-русски: «От края и до края, от моря и до моря...»

И вот сбывался его мечта. Он прилетает к нам. Мы рады дорогому гостю, и миллионы его друзей говорят ему на пороге нашего советского дома:

— Здравствуйте, Павел Васильевич! Здравствуйте, дорогой Поль, наш добрый и славный друг!

Борис ПОЛЕВОЙ.